

К. И. Раткевич

К биографии Жильбера Ромма: его рукописное наследство в архивах СССР

Опубликовано в сб.: Ученые записки
Ленинградского Государственного университета
Серия исторических наук 1940.
Вып. 6, № 52. С.264-275

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*,
Юрий Карякин, редактор сайта *Великая французская революция*, 2003
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны
ред. *Vive Liberta*

Имя монтаньяра Ромма дошло до потомства неразрывно связанным с историей Великой буржуазной революции во Франции. В какой-то мере оно связано и с историей русской культуры XVIII в. Когда весной 1779 г. в русском посольстве в Париже европеизированному русскому вельможе, графу А.С.Строганову, был представлен молодой математик Жильбер Ромм, эта первая встреча послужила прологом к длительным отношениям Ромма с семьей Строгановых и к его переселению в Россию почти на семь лет.

А.С.Строганов был озабочен тогда приисканием человека, которому он мог бы вверить воспитание своего единственного сына, наследника огромного строгановского состояния. Мальчику было семь лет. Образованием его еще не занимались по настоящему, еще только предстояло "сформировать человека".

В царствование "ученицы Вольтера и Монтескье" у русского двора, а вслед за ним и у русской знати вошло в моду привлекать к воспитанию своих детей видных европейских ученых. Екатерина II поручила старших своих внуков, Александра и Константина, заботам Лагарпа; невестка, вторая жена Павла, Мария Федоровна, поддерживала переписку с Лафатером, прося у него педагогических указаний; княгиня Екатерина Дашкова носилась с мыслью вверить воспитание своего сына Юму. Граф А.С.Строганов, сам ученик швейцарского ученого Берне, пробовал было пригласить в наставники к своему наследнику женевского натуралиста Сосюра, но это не состоялось. Знакомство с Роммом выручило его из затруднения, молодой ученый был известен как один из выдающихся учеников знаменитого химика Сажа; его уже отметили своим вниманием д'Аламбер и Кондорсэ; он был в числе избранных, допускавшихся в литературно-философский салон м-м Гельвеции; ему не раз предлагали кафедру математики в разных городах Франции и в Париже — в Военной школе и в коллеже Роллэн. Он отказывался. Тюрго, в бытность свою министром, пытался создать для него кафедру математики в его родном городе Риоме. Чтобы склонить Ромма к отъезду в Россию, Строганов предложил ему очень выгодные условия. В декабре 1779 г будущий монтаньяр прибыл в Петербург.

Положение, которое он занял в семье Строгановых, ничем не напоминало положения рядового гувернера в аристократическом доме.

Отношения, установившиеся у него с отцом его воспитанника, не были отношениями человека зависимого, а равного к равному; не отец, а наставник определял систему воспитания и принципы, которые надлежало положить в основу ее. Не отец воспитателю, а воспитатель отцу давал указания, какой линии поведения держаться по отношению к мальчику, и переписка их, сохранившаяся в архиве Строгановых, показывает, что требования предъявлялись воспитателем к отцу, хотя и в довольно учтивой и куртуазной форме, но, в общем, в очень настойчивом, не терпящем возражений, тоне. Отец подчинялся, удовлетворял эти требования, поскольку ему это позволяла его беспечная эпикурейская натура. В письмах к Ромму А.С.Строганов обычно называет своего маленького Павла — "наш сын", признавая за воспитателем права духовного отцовства. И надо добавить, что воздействие Ромма на графа не ограничивалось областью воспитания мальчика — он давал ему советы, а подчас и делал строгие внушения по

по части того, как вести хозяйственные дела, как поступать в отношении жены, служащих и т.п. В ответных письмах вельможа рассыпался в изъявлениях привязанности, дружбы, благодарности: "Мой друг, занявший мое место подле моего дитяти, подготавливающий его грядущее счастье...", или: "бросаюсь в Ваши объятия..." и т.п.

Когда политическая обстановка сделала неизбежным разрыв между приближенным Екатерины и тем, кому вскоре предстояло занять место в Конвенте, даже и тогда граф А.С.Строганов свидетельствует в письмах к Ромму свое неизменное уважение и признательность за просвещенное и самоотверженное руководство воспитанием молодого Строганова. Воспитанником своим Ромм завладел всецело. Мальчик говорил его словами, думал мыслями, подражал наставником, реагировал на впечатления внешнего мира в соответствии с его принципами. Так продолжалось и тогда, когда он стал юношей. Это, может быть, не совсем правильная система воспитания, но она свидетельствует о большом авторитете наставника.

Вскоре по приезде Ромма в Петербург у него завязались здесь самые разнообразные связи. В числе его друзей или добрых знакомых не только представители французского посольства, но весь тогдашний ученый и литературный мир Петербурга — поэты Державин и Богданович, член Академии Наук математик Эйлер, естествоиспытатель и этнограф академик Паллас, минералог Григорий Разумовский, дипломат и ученый Тамара, а наряду с ними рядовые гувернеры, учителя, "крепостной человек" графов Строгановых, Andre, как называет его в письмах Ромм, — Андрей Никифорович Воронихин, будущий знаменитый наш зодчий, занявший крупное место в истории европейской архитектуры. Ромм с большой заботой и почти с нежностью относится к нему. И среди этих же приятелей дочь магната Кирилла Разумовского, Н.К.Загряжская. Ромм — частый гость у нее; в отсутствие свое из Петербурга он неизменно шлет ей привет и подарки, это продолжается и в 1789—1790 гг. Она же сорок лет спустя после его трагической смерти, вспоминая о нем в беседе с А.С. Пушкиным, отзываясь о нем как об одном из замечательных лиц, с которыми она была знакома. Ромм привлекал внимание и русского двора. Екатерина II пожелала дать ему аудиенцию. Наследник престола Павел собирался поручить ему сооружение воздушного шара (Ромм из Петербурга внимательно следил за опытами братьев Монголу и других лиц в области воздухоплавания).

Чем объясняются эти связи Ромма, это внимание, которым он пользовался не только среди тогдашней русской интеллигенции, но и среди высокомерной русской знати?

Конечно, он привез с собой в Петербург отблеск славы французских "просветителей". Человек, взысканный дружеским расположением знаменитых "энциклопедистов", он должен был с самого начала возбудить к себе известный интерес или любопытство. Но то и друг могли оказаться скоропреходящими. Не долгим же было в Петербурге увлечение Дидро, когда он посетил русскую столицу. А ведь у Дидро было уже крупное имя в литературе и философии. Между тем, молодой гувернер Строгановых почти ничего не написал или, по крайней мере, ничего почти не напечатал. Он был только другом знаменитостей, но не был сам знаменит. В наружности, в манерах его не было ничего такого, что могло бы импонировать светскому обществу. Тщедушная фигура, резкие угловатые линии лица, глубоко сидящие маленькие глазки, полное отсутствие светского лоска, принужденные манеры, склонность к морализированию, к дидактике — все в нем было далеки от того поверхностного блеска, от изысканности и непринужденного изящества, которые отличали в XVIII в. парижанина, делая его образцом для светских людей остальной Европы.

Но к Ромму можно было бы применить слова Сент-Бева о Малербе: "... в нем отсутствовали грация и прелесть, свойственные молодости, и не было желания их приобрести, — тем больше времени оставалось для серьезных вещей".

"Ромм живет для того, чтобы мыслить", говорил о нем один из его друзей. Эту неустанную работу мысли чувствовали все, кто с ним соприкасался. "Ромм, — он очень умный был человек", вспоминала Н.К.Загряжская, "c'?'tait une forte t?te, un grand raisonneur" (сильная голова, великий мастер рассуждать).

К этой черте его интеллектуального склада присоединялось и обаяние недюжинной нравственной силы, высокая принципиальность поведения. Письма к нему его друзей свидетельствуют о каком-то почтительном обожании, которым они его окружали. Позднее, в годы революции, его личность вызывала восхищение даже у тех, кого разделяла с ним непримиримая противоположность политических воззрений и интересов. Правый термидорианец, реакционер и циник, виконт Баррас, жизнь которого была прямой противоположностью республиканской "добродетели" и который со злобой и пренебрежением говорил о всех своих современниках, отвел Ромму в своих мемуарах несколько строк, проникнутых чувством подлинного глубокого уважения. Немудрено, если в те годы, когда политическая буря еще не поделила европейское общество на два враждебных лагеря, Ромма окружали общие симпатии и интерес.

Для представителей петербургской интеллигенции он оказался, помимо всего прочего, и полезным человеком. При его посредстве завязывалось общение с учеными Франции. Академик Паллас при его участии стал корреспондентом Mus?e Fran?ais, основанного Куртом Жебелэном; Академия Наук получила от химика Сажа его труды и т.д.

Связи Ромма в России не ограничивались Петербургом. Вскоре после приезда в нашу страну он предпринял вместе со своим воспитанником ряд путешествий по ней, и тогда завязались знакомства и дружеские отношения и в Киеве, и в Туле, в Крыму, в Карелии, на Белом море, на Урале. В XVIII в. путешествие было модным средством "формирования" человека. Ромм сделал его основным педагогическим приемом. Эти непрерывные поездки по огромной стране должны были, по мысли Ромма, "закалить ребенка, приучив его к голоду, жажде, жаре, холоду". И так как Ромм воспитывал не сына екатерининского вельможи, будущего владельца нескольких десятков тысяч крепостных крестьян, а некоего идеального человека вообще, то он говорил в одном из писем к его отцу: "Несчастье и нищета могут тогда обрушиться на него, его тело исхудает, дух останется здоровым, счастливым, стойким". Путешествия должны были также дать мальчику необходимое знакомство с родной страной. Программа намечалась такая: усовершенствование в родном языке (Ромм учился русскому языку одновременно со своим воспитанником), изучение географии России, ее промышленности, быта и нравов населяющих ее народов. Особый акцент — это надо отметить — ставился на изучение промышленности. Ромм приехал из страны, где передовая буржуазия уделяла этому вопросу огромное внимание. Нет нужды, что воспитанник мал, что он многого не поймет. Вопрос слишком живо интересуется самого воспитателя, для того чтобы не нашлось убедительных доводов, подкрепляющих необходимость детального ознакомления путешественников с техникой и технологией различных производств. Ромм пишет: "Роро не схватит всех деталей, всей совокупности операций, составляющих тот или иной вид промышленности, но я усвою их, я отдам этому вопросу все свое внимание. Впоследствии мне достаточно будет напомнить ему, что в таком-то месте отливают пушки, в таком-то окрашивают ткани. Он поймет, о чем я буду говорить с ним, когда он станет старше". Ромм, действительно, тщательно знакомился с организацией производства. В его путевых дневниках мы находим не только детальное описание процессов производства, в них попадаются и наброски машин. обстоятельное знакомство с тульскими ружейными заводами сослужило ему впоследствии хорошую службу, когда Конвент послал его в Мулэн и в Сент-Этьенн ревизовать работу местных мануфактур.

Вместе с тем в этих поездках по России Ромм собирал сведения и о торговле, сельском хозяйстве, быте крестьян, казаков, татар и т.д., знакомился с памятниками старины, изучал природу края, местонахождения минералов, собирал коллекции**. Полученные сведения он тщательно фиксировал в своих путевых записках. Вместе с тем он всюду искал встреч с примечательными русскими людьми. "Только путешествуя, по настоящему познаешь людей", писал он, отправляясь в 1779 г. в Россию. Эту программу поисков разнообразных знакомств и встреч он выполнил по мере возможности.

* Уменьшительное имя, которым звали Павла Строганова в семье.

** Богатая коллекция минералов, вывезенная им в 1786 г. из России, была впоследствии подарена его внучатым племянником Тальяном музею города Монпелье.

Ряд талантливых энергичных деятелей — вроде строителя Херсонского и Севастопольского портов, инженерного полковника Корсакова, или самоотверженного исследователя чумы, доктора Самойловича, которого уже сумело оценить русское правительство, но высоко ценили ученые специалисты Западной Европы, проходит на страницах его дневников. Фигурируют там и люди иного калибра, некий Степан Вонифатьич,^{***} бывший член Екатерининской комиссии по составлению Уложения олонецкий купец, ведущий большие торговые операции, или последний атаман Запорожской Сечи, Калнишевский, которого Ромм посетил в соловецком заключении, и т.д.

Дневники эти дают немало интересного материала для изучения русской культуры XVIII в. и быта народностей, населявших империю. Сведения, которые Ромм собирал из первых рук, тщательно проверялись им из нескольких источников; он стремился иметь точные цифровые данные о ценах на материалы, на рабочие руки, о торговых оборотах. Кое-что дают записки и для характеристики политики царского правительства в ряде вопросов внутренней жизни. Вместе с тем эти путевые дневники могут послужить материалом и для характеристики их автора, его воззрений в эту пору его жизни, направленности его интересов. Как далеко, например, то философское, но почти благодушное пренебрежение к предрассудкам, с которым он говорит здесь о религиозных верованиях населения, от боевых настроений 1793 г., когда он, работая над созданием республиканского календаря, преследовал прежде всего антирелигиозные задачи, стремился "уничтожить воскресенье", как он выразился в разговоре с епископом Грегуаром. Характерно и непонимание крепостного права, терпимое к нему отношение. В одном из первых своих путешествий — он пишет, например, что положение крестьян прекрасное. В своей хозяйственной деятельности они пользуются полной свободой. Внутренняя, духовная жизнь их никем не подавляется. Благодаря этому у них сохранились чудесные патриархальные нравы.

Эти отдельные штрихи свидетельствуют о том, что будущему монтаньяру предстояло проделать еще большую эволюцию.

Зато есть черта в его путевых записях, черта, которая проходит через все эти дневники и составляет, мне кажется, самое характерное для личности Ромма как в этот период его жизни, так и в дальнейшие годы, — это жадный интерес к творческой работе человека, когда, где и в какой бы области она ни проявлялась. Созидательная деятельность людей, энергия, приложенная к строительству культуры, интересует его превыше всего, и он ищет следов ее в прошлом, проявлений в настоящем.

Эти путевые дневники Ромма составляют одну часть его рукописного наследия, сохранившегося в СССР. Таких дневников у нас три: путешествие в 1781 г. в Нижний; путешествие в 1784 г к Белому морю; путешествие в 1786 г. в Крым. Они далеко не равноценны. Первая из этих рукописей, очень короткая, не представляет почти никакого интереса. Это скорее простой перечень названий городов и сел, через которые приезжают путешественники. Наблюдения над жизнью края поверхностны и свидетельствуют прежде всего о малом знакомстве путешественника со страной, с ее прошлым и настоящим. Но большая работа в этом направлении была проделана Роммом в, последующие годы. В 1784 г., отправляясь в поездку по Карелии и на Белое море, он знал, что ему надо осмотреть, и составил себе представление о России, ознакомился с ее историей и современным состоянием. Изучение литературы, знакомство и общение с такими людьми, как академик Паллас, неутомимый путешественник и этнограф, много помогли ему в этом отношении. Путешествие служило для того, чтобы на местах пополнять эти сведения; записи его, сделанные в пути, дают в сжатой форме сведения о состоянии промышленности, обрабатывающей и добывающей, о быте населения, о природных богатствах края. То же самое можно сказать и о путевом дневнике его, относящемся к 1786 г.

К этому времени Ромм уже успел не только ознакомиться с некоторыми путешествиями по Новороссии и Крыму вроде "Выписки из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма", напечатанной в "Месяцеслове" на

^{***} Фамилии его Ромм не приводит.

1783 г., но и рядом путешествий иностранцев, и перевести на французский язык "Описание Тавриды" Габлица.*

Широкий диапазон наблюдений и интерес к вопросам социального и экономического порядка отличают этот путевой дневник Ромма. К этой же поре его пребывания в России относятся и 1) *Notes diverses scientifiques et an?cdotiques par G.Romme en Russie* (заголовок рукописи написан не почерком Ромма) и 2) *Observations sur le militaire russe*.

Такова одна часть его архива, находящегося в СССР. Другую составляет переписка. К сожалению, сохранилось гораздо больше писем к Ромму, нежели писем его самого. В Архиве феодально-крепостнической эпохи в фонде Строгановых (фонд 355) находится ряд писем Ромма к графу А.С.Строганову за годы 1780—1790, — и только. Ромм вел обширную корреспонденцию, но писем его к другим лицам пока обнаружить не удалось, хотя, несомненно, они были в России, так как в свое время русский коллекционер кн. Лобанов-Ростовский купил пятьдесят восемь таких писем у известного французского собирателя автографов и торговца ими Этьенна Шаравэ. Скупал бумаги Ромма за границей и другой русский любитель старины, Ив.Ир.Курис, и, наконец, приобретал их и Н.П.Лихачев. Зато довольно много писем к Ромму как от его русских, так и от французских друзей и знакомых хранится в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи и в рукописном собрании Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР. Среди них два тома писем к Ромму его друга Габриэля Дюбрейля, директора почтового бюро в Риоме, — они относятся к 1779—1792 гг.; в них, помимо сведений о жизни Дюбрейля и других риомских приятелей Рома, можно почерпнуть материал и для характеристики жизни французского провинциального города; особенно интересны в этом отношении письма кануна и первых лет революции.** Очень многочисленны также письма другого друга молодости Ромма и вместе с тем его протеже Демишеля. Они адресованы к Дюбрейлю и относятся к 1786—1793 гг. Это объемистый том — 298 листов. Демишель — типичный обыватель, исполнен сентиментального прекраснодушия, судит о грандиозных событиях, происходящих на его глазах, главным образом, с точки зрения отдельных лиц, страдающих от великих потрясений, подходит к этим событиям с меркой узкой морали, но и его письма дают некоторые любопытные сведения. Интересно, например, описание демонстрации в защиту неprisягнувшего духовенства, устроенной в 1791 г. в Страсбурге контрреволюционно настроенными женщинами.

Эти письма друзей Ромма содержат также и материал для характеристики адресата.

Имеются в этих собраниях также письма к Ромму от ряда других лиц — от Пилэн дю Валь де Фресна, от Кунклера, женеvского ученого (в одном из них Кунклер сообщает адресату, что послал ему новую книгу о Берне через "русского литератора" Карамзина); из корреспонденции петербургских знакомцев Ромма здесь находятся письма академика Палласа (одно из писем, видимо, относится к тому моменту, когда они вернулись из совместного путешествия), Эпинуса, знаменитого физика, изобретателя электрического конденсатора и электрофона (Эпинус сообщает о своих наблюдениях под микроскопом над образованием кристаллов на поверхности расплавленных металлов, когда последние начинают отвердевать). Эта переписка, так же как и "Научный журнал" Ромма (*Journal scientifique*), свидетельствуют о разносторонности научных интересов Ромма и об его обширных связях.

Наконец, особую группу в архиве Ромма составляют его черновые заметки, относящиеся к вопросам конституции и декларации прав. Их несколько листов. Они не датированы, но легко определить время их написания, — они, несомненно, относятся к весне 1793 г. 4 апреля этого года Конвент избрал "Комиссию шести", или, иначе, "Комитет анализа", для просмотра и обсуждения различных проектов конституции и декларации прав, которые в изобилии поступали от разных лиц в Конвент, с тех пор, как последний декретами 19 октября 1792 г. и 16 февраля 1793 г. пригласил всех граждан присылать ему свои проекты.

* По-русски "Описание Тавриды" вышло в 1785 г., на немецком языке — несколько ранее.

** Несколько таких писем с описанием "великого страха") в Оверни опубликовано мною в №3 "Красного архива" за 1939 г.

Избранная в составе Жана де Бри, Мерсье, Валазе, Барера, Ланжюинэ и Ромма Комиссия немедленно же приступила к работе. 17 апреля Ромм уже представил от ее имени доклад Конвенту.

Можно предположить, что Ромм, с его чудовищной усидчивостью и неутомимостью (в одном письме он говорит, что его рабочий день начинается в пять часов утра и заканчивается в одиннадцать вечера), проделал большую часть работы.

Доклад его состоял из трех частей. В двух первых он подверг разбору имевшиеся в распоряжении "Комиссии шести" многочисленные проекты конституций, в третьей — изложил собственный проект декларации прав.

Что представляли собой первая и вторая части доклада — нам неизвестно. "Монитор" ограничивается лишь кратким упоминанием о самом факте выступления Ромма. Но в "Archives parlementaires" (т.LXII, стр.263—269) перепечатан отчет "Логографа", где воспроизведена третья часть.

Бриссо в своем "Французском Патриоте" назвал весь доклад "туманной метафизикой". Но Конвент постановил отпечатать третью часть, содержащую проект декларации прав, отклонив, однако, предложение Филиппо разослать ее по департаментам "для просвещения сердец".

Вообще, видимо, выступление Ромма не пришлось особенно по вкусу Конвенту, хотя нужно сказать, что Ромм был очень сдержан в своем докладе (если судить по третьей, напечатанной, части его). Он не шел дальше, так сказать, узаконенных для данного момента взглядов и теорий монтаньяров по важнейшим социальным и политическим вопросам. Если бы он огласил в Собрании те мысли, которые мы находим в его черновых заметках, то вряд ли бы Конвент постановил и печатать его доклад.

Прежде чем привести эти отрывочные записи Ромма, я позволю себе несколько остановиться на прениях, происходивших в Конвенте в течение апреля; напомним наиболее левые, радикальные высказывания по вопросу о праве собственности. 24 апреля Робеспьер, критикуя жирондистский проект декларации прав, заявил, что к праву собственности необходимо применить тот же принцип, который применен к праву свободы. Право собственности должно быть ограничено обязанностью уважать права других лиц. Оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности наших ближних.

Сопоставляя эти слова Робеспьера и тогда же высказанное им требование о том, чтобы общество обеспечивало существование всех своих членов, доставляя им работу или же оказывая материальную поддержку тем, кто не в состоянии трудиться, с молчалием Робеспьера по этим пунктам в июне, когда обсуждался проект конституции, представленный Эро де Сешеллем, Олар видит в этих апрельских выступлениях Робеспьера простую "демагогию": шла ожесточенная борьба с жирондистами, надо было высказать перед массами более радикальные воззрения по этому, как и по ряду других вопросов.

Трудно с уверенностью сказать, руководили ли Робеспьером в апреле тактические соображения, или же июньское молчание являлось уступкой дантонистам, нежеланием разрушать единство Горы в тот момент, когда в департаментах разгорались жирондистские восстания и бушевала роялистская контрреволюция в Вандее. Во всяком случае, в своей речи у якобинцев 5 мая того же года Робеспьер уверял, что "санкюлоты никогда не требовали равенства имуществ, они настаивали только на равенстве прав и счастья".

Что скрывалось за этими слишком общими, уклончивыми формулировками? Какова была подлинная мысль Робеспьера в данный момент? Как бы там ни было, он не возражал против формулировки, предложенной Эро, — собственность неприкосновенна, — точно так же ни словом он не обмолвился на этот раз и об обязанности общества обеспечить существование каждого своего члена, предоставляя ему работу. Забота о материальном обеспечении "несчастных" и "неимущих" была на время оставлена. До вантоза II г. оставался еще порядочный промежуток времени.

* "Societe des Jacobins", t.V, pp.179—181.

Несравненно более радикальным было выступление в Конвенте Армана, депутата от департамента Мёз (впоследствии Арман был правым термидорианцем, тем любопытнее его позиция весной 1793 г.: волна народных требований подступала к стенам Конвента).

17 апреля Арман произнес большую речь. Он говорил о том, что люди стремятся к "фактическому равенству, а не только к политическому", и этого фактического равенства они ждут от республики**. Нужно законодательным путем ограничить право собственности, не отменяя его совсем, дабы не создавать потрясений. Это ограничение должно послужить мирным путем для перехода к фактическому равенству. "Не умственное равенство (*une ?galit? mentale*) нужно человеку голодному, или нуждающемуся; этим равенством он пользовался и в естественном состоянии".

В декларации прав, предложенной Арманом, говорится: "Любое политическое объединение не может иметь другой цели, кроме предупреждения опасностей и злоупотреблений, присущих естественному неравенству, путем предоставления всем равенства прав на плоды и продукты земли и защиты слабого от угнетения сильным. Чтобы сохранить за всеми равенство права на плоды и продукты земли, общество может допускать собственность лишь в интересах общей пользы, и отнюдь не должно предоставлять пользование ею на произвол какого бы то ни было своего члена".

В этой же речи Арман потребовал и таксы на предметы первой необходимости, причем аргументировал следующим образом: "В чем состоит право собственности? Подразумевают ли под ним неограниченную возможность располагать ею по своему усмотрению? Если ее так понимают, то я прямо говорю, что это значит признать право более сильного, обмануть ожидания общества, призвать людей к осуществлению прав первобытного состояния и вызвать распад политического тела. Если же, напротив, его понимают не так, то я спрашиваю, каковы же будут размеры и предел этого права? Ибо, в конце концов, нужны же они".

Эта любопытная речь — лишний показатель того, что идея фактического равенства и ограничения права частной собственности, как меры для его достижения, носилась в воздухе.

Я не буду напоминать здесь о всем известной декларации прав, которую Дюфур и Моморо обнародовали во время своей командировки в Нормандии в сентябре 1792 г. и в которой говорилось, что нация гарантирует только промышленную собственность и лишь временно гарантирует то, что можно назвать собственностью земельной.

Возвращаясь к черновым наброскам Ромма. Он пишет в них:*** "Правление в высшей степени дурно, когда на одной и той же земле и под сенью одних и тех же законов мы видим людей, нуждающихся в самом необходимом, и других, стол и дома которых ломаются от излишков; хорошее правление это такое, при котором излишки у отдельных лиц допускаются лишь в том случае, если ни для кого не существует бедности" (*indigence*). Дальше встречаются такие записи:

"Всякий гражданин имеет право требовать от общества такой общественной организации, которая обеспечит ему пользование его естественными правами".

"Право общества заставить тех, кто имеет излишки, содействовать своим состоянием, трудом, силами или руководством тем, кто имеет лишь строго необходимое".

"Нетрудоспособный бедняк имеет право на помощь общества для удовлетворения насущных потребностей жизни. Трудоспособный бедняк имеет право ждать от него работы или помощи".

К. И. Раткевич

К биографии Жильбера Ромма: его рукописное наследство в архивах СССР

Vive Liberta и Век Просвещения, Великая французская революция, 2003

** Archives parlementaires, t.LXII, стр.272 сл.

*** ГАФКЭ, фонд 355. Дополнительная опись 4. Заметки Ромма носят отрывочный характер; мысли о правах и обязанностях общества и его членов, о праве собственности индивидуальной и о правах общества или нации в этом вопросе идут вперемежку с высказываниями о свободе совести, прессы и т.д.; приходится сопоставлять эти рассеянные на нескольких страницах черновики высказывания по данному интересующему нас вопросу.

Если допустить, что Робеспьер в своем выступлении 24 апреля мог говорить нечто подобное из тактических соображений, то нельзя заподозрить Ромма, заносившего эти мысли для себя, в свои черновые заметки, в тех же побуждениях. Он их не огласил в своей декларации, прочитанной в Конвенте, ибо напечатанная редакция не содержит в себе этих радикальных формулировок. По тем или иным соображениям Ромм в своем выступлении 17 апреля был гораздо более умеренным.

Не лишены интереса в этом проекте доклада и мысли по "рабочему вопросу", как сказали бы теперь.

"Всякий человек, тратящий свое время для другого, имеет право на оплату, достаточную для того, чтобы удовлетворить его потребности. Его труд — это его собственность, надобно, чтобы он мог им существовать".

Эта же мысль выражена в другом месте в несколько иной редакции:

"Не платить рабочему жалования, достаточного для существования его и его семьи... и для того, чтобы он мог в болезни доставить себе необходимый уход — это значит быть человекоубийцей".

Итак, права наиболее обездоленных и зависимых членов общества формулированы определенно и резко, равно и обязанности общества по отношению к ним.

С этими высказываниями надо сопоставить определение понятия частной и национальной собственности, встречающиеся в этих же черновиках.

Формулировка Ромма далека от уважения к "священному и неприкосновенному" праву частной собственности. И тут не лишне сопоставить редакцию черновика и напечатанной речи его, произнесенной им в Конвенте. В последней мы читаем: "Когда общественное благо того требует, общество может располагать частной собственностью под условием предварительного справедливого вознаграждения". Так говорилось с трибуны Конвента, перед которым Ромм выступал не от своего имени, а от лица Комиссии "шести", и должен был считаться с мнениями других ее членов. В черновой редакции первая часть фразы: "Когда общественное благо того требует..." отсутствует. Положение формулировано так: "Общество имеет право располагать частной собственностью в интересах общественной пользы, под условием предварительного справедливого вознаграждения". Другими словами, не в крайних случаях, что допускается вообще буржуазным государственным правом, а всегда, во всех случаях. Что это не произвольное толкование с нашей стороны, — доказывает следующее определение национальной собственности, которое мы находим в тех же черновых набросках Ромма.

"Национальная собственность состоит:

1. Из всей территории республики, которую французский народ будет защищать от всякого нападения извне.
2. Из всех продуктов французской почвы, какова бы ни была их природа, обилие или недостаток, место, где они сложены, лица, заботам которых они вверены. Они могут быть пущены в обращение, в потребление, или сложены на склады, могут быть вывезены с территории республики лишь в том случае, если общественная польза не повелевает иного.
3. Из всех руд, рудников, солеварен, квасцовых заводов, каменоломен, и вообще всего, что промышленность добывает из недр земли, на всем протяжении территории Франции, и распоряжение чем всегда подчинено потребностям родины.
4. Из дарований, знаний, занятий всех отдельных лиц, которыми республика может располагать для своих армий, своих общественных учреждений, администрации и общего надзора.
5. Из всех общественных и частных предприятий, которые своим характером, природой своей, могут увеличить богатство и славу нации".

Что же в таком случае не составляет национальной собственности? Что находится в полной неприкосновенной собственности частных лиц, на которую государство не может ни при каких условиях наложить свою руку?

Ровно ничего. Земля и ее недра и все предприятия - все это собственность нации, которой она всегда может распоряжаться.

Но если это так, то, стало быть, отдельные лица пользуются лишь правом временного владения; стало быть, государство или нация всегда может изъять эту собственность из их пользования, вмешаться, наложить свою руку, когда того потребуют интересы целого.

А воззрения на обязанности общества по отношению к отдельным членам, к неимущим, достаточно говорят о том, в каких именно случаях может потребоваться это вмешательство государства, это ограничение права частной собственности.

Ромм не делает выводов. Мысль его не закончена. Система воззрений не выработана окончательно. Он нащупывает мысль. Он бьется в противоречиях между уважением к частной собственности, этому фетишу буржуазного правопорядка, и другим потоком идей, требующих "фактического равенства".

Вопрос еще не разрешен для Ромма. Но эти воззрения, которых он не решился высказать с трибуны Конвента, может быть, потому не решился, что они не уложились еще в его уме в цельную систему, показывают, в каком направлении работала его мысль, как и мысль многих его современников.

Французская революция XVIII в. была не формальной демократией, а, по выражению Энгельса, "от начала и до конца движением социальным".*

"Заговор Бабефа — опять слова Энгельса — сделал во имя равенства заключительные выводы из идей 1793 г., поскольку выводы эти были возможны тогда".**

В зародыше эти идеи содержались и в декларации прав 1793 г., в провозглашении того принципа, что "люди рождаются и остаются равными", пункт, на который буржуазные законодатели поспешили, по выражению эпохи, "набросить покрывало".

Наиболее смелые, методичные и искренние умы отказывались от этой операции прикрытия покрывалом, умышленного забвения и замалчивания тех выводов, на которые наталкивал, к которым вел раз провозглашенный принцип.

Ромм принадлежал к искренним демократам. В смелости мысли ему нельзя отказать. Еще осенью 1789 г., учитывая трудность предстоящей борьбы, он заносит в свои черновики мысль, замечательную под пером ученика энциклопедистов. "Разум сам по себе, — пишет он, — способен воздействовать лишь на добрых и слабых. Для того, чтобы обратить всех, разуму должен предшествовать террор".***

У нас нет материалов, которые давали бы нам возможность судить о том, как эволюционировали воззрения Ромма в последующие годы, каково было его политическое и социальное *sredo* в 1795 г., когда так трагически оборвалась его жизнь.

Там, где отсутствует документальный материал, кое-что могут подсказать отдельные высказывания современников. Трудно, конечно, судить о том, примкнул ли бы Ромм в 1796 г. к заговору Равных, или остался бы в стороне от него. Только знакомясь с идеями Бабефа, мы можем судить о том, чего хотела Коммуна 1792/93 г., говорит Энгельс.**** Это положение можно распространить в равной мере и на тех якобинцев, над которыми не властвовал фетиш неприкосновенности частной собственности. Возможно, что люди, сближавшие в 1799 г. в своих выступлениях "тени" Ромма и Бабефа, знали больше, чем знаем в настоящее время мы, о дальнейшей эволюции идей этого ученого и революционера, ставшего в 1795 г. жертвой буржуазной контрреволюции.

Тематические материалы в нашей библиотеке

О Шарле Жильбере Ромме	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#romm
В.Виргинский. Жильбер РОММ	http://vive-liberta.narod.ru/journal/romm_virginskii.pdf
Павел Александрович Строганов	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#popo
Франсуа Ноэль (Гракс) Бабеф	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf

К. И. Раткевич

К биографии Жильбера Ромма:
его рукописное наследство в архивах СССР

* Соч., т.V, стр.28.

** Там же.

*** ГАФКЭ, фонд 355. доп.оп. 6.

**** В письме к Каутскому. См. "Историк-марксист", 1933, № 2, стр 43.